

Поцелуи отнимали много кислорода, а в комнате было жарко из-за отопления, температура их тел поднялась, и снять одежду стало естественным шагом, поэтому Цзи Шаотин до этого момента не задумывался.

Самая чувствительная зона у него была в области ключиц, и Ли Чэнь, следуя линии кости, целовал его от плеча до кадыка, слушая его глупый смех. Любовь в его сердце грохотала. Он думал, как сильно он его любит, настолько сильно, что даже самому трудно было вынести.

Цзи Шаотин был слишком худым, его нужно было откормить, сделать здоровым. Это больно щемило в сердце.

Цзи Шаотину стало слишком много, он поворачивал голову, пытаясь уклониться, всё ещё думая, что это шутка, и слова были шутливыми:

— А Чэнь, ты что, собака?

Ли Чэнь, кажется, ответил «да» или что-то в этом роде, но Цзи Шаотин не расслышал. Слова растворились в жаре близости.

Цзи Шаотин смутно думал, что ему, должно быть, нравится быть близким с Ли Чэнем, пока тот не засунул руку под его нижнюю одежду.

Цзи Шаотин немного очнулся.

Рука Ли Чэня принесла с собой холод ночи, скользя по его талии. Его вздох был тяжёлым, с оттенком, который вызывал у Цзи Шаотина беспокойство:

— Такой худой, сломаешься от одного толчка.

Эта фраза в понимании Цзи Шаотина была легкомысленной, пошлой и неуважительной.

Опьянение может исчезнуть мгновенно, все признаки пьянства исчезли, и Цзи Шаотин полностью протрезвел.

Ли Чэнь двигал рукой вдоль линии талии Цзи Шаотина, его шершавые и холодные пальцы.

Потолок был залит жёлтым тёплым светом, но всё равно казался бледным, как кожа смертельно больного. Цзи Шаотин тупо смотрел на него, губы дрожали, и он смог вымолвить только:

— Ли... Ли Сяньшэн...?

— А Чэнь, — влажное дыхание коснулось уха Цзи Шаотина. — Разве ты не называл меня А Чэнь?

Цзи Шаотин медленно опустил взгляд с потолка и увидел, что Ли Чэнь стоит над ним на коленях, расстёгивая ремень. Это был жест доминирования, предвестник опасности.

Он наконец понял, что Ли Чэнь собирается с ним сделать.

— Пожалуйста... пожалуйста, не делайте этого... — его голос дрожал, но Ли Чэнь, казалось, не слышал.

Он смотрел на Цзи Шаотина, его глаза горели в жаре, а тон был уверенным до деспотичности:

— Я говорил, что с тех пор, как встретил тебя, я ни с кем больше не был. Разве ты не должен меня наградить?

Он не мог остановиться. Хотя он всегда был человеком с большими потребностями, ради Цзи Шаотина он долго терпел, но это не имело значения. Он не мог остановиться, потому что его любовь была слишком горячей, заставляя его слиться с Цзи Шаотином в одно целое.

Цзи Шаотин нравился многим, многие хотели его забрать, и он должен был первым оставить на нём свой след, наполнить его так, чтобы он не мог думать о других возможностях.

На самом деле это был страх.

С тех пор, как он осознал свою любовь, он постоянно боялся. Он уже был потерян, без Цзи Шаотина он не мог жить, а Цзи Шаотин, казалось, всё ещё оставался на начальном этапе, кроме благодарности, ничего не испытывая.

Или, что ещё хуже, как тот Берг, Цзи Шаотин всё знал, но каждый день притворялся глухим и немым, ведь он слишком хорошо умел притворяться. Когда в доме Салли он сказал, что Ли Чэнь — его судьба, Ли Чэнь чуть не поверил, что Цзи Шаотин тоже его любит.

Всё было ложью, и вот, теперь он хочет убежать.

Ли Чэнь смотрел сверху вниз, как Цзи Шаотин извивался, пытаясь уползти, и страх мгновенно превратился в ярость. Он схватил Цзи Шаотина за талию, притянул к себе и сжал с такой силой, что кости того, казалось, скрипели. В одно мгновение воспоминания о прошлой ночи вернулись, в ушах звучал шёпот из бездны, повторяющий имя всё более болезненно:

— Тинтин, Тинтин...

Цзи Шаотин изо всех сил цеплялся за край кровати, пытаясь вырваться из-под Ли Чэня, спастись из самого страшного эпизода своей жизни, но это было бесполезно. В силе и телосложении Цзи Шаотин не мог сравниться с Ли Чэнем.

Он начал кричать, но тут же его горло сжалось. Ли Чэнь схватил его за воротник.

Затем Ли Чэнь наклонился, почти кусая плечо Цзи Шаотина, проходя по линии плеча до уха:

— Куда ты собрался?

Дыхание было отнято, хриплый звук не мог быть ни мольбой, ни руганью:

— Отпусти... отпусти...

— Куда ты собрался? — Ли Чэнь вошёл в состояние, которое сам не мог понять.

Какой-то механизм сработал, потому что реакция Цзи Шаотина, его стремление убежать, вызвало в нём проблемы с кровообращением, словно он заболел неизвестной болезнью.

Болезнь.

Да, болезнь, подумал Цзи Шаотин, этот человек болен.

Он слышал, как Ли Чэнь говорил, чтобы он оставался с ним навсегда, слышал, как он говорил, чтобы он никуда не уходил. Цзи Шаотин никогда не ругался, но сейчас он не мог назвать Ли

Чэня иначе как психом.

Псих, большой обманщик.

Почему он снова попался на уловки Ли Чэня? Каждый раз, когда он думал, что Ли Чэнь может быть близким, что его можно любить, даже ставил его наравне с судьбой, Ли Чэнь всё разрушал.

Он просто хотел, чтобы Ли Чэнь был терпеливее с ним.

Если Ли Чэнь с самого начала был таким больным, он мог бы научиться принимать это, но мог ли он дать ему время, чтобы понять его тревогу?

С детства он был слаб здоровьем, часто лежал в больнице, медленно ел, медленно ходил, медленно пил. Ли Чэнь сразу хотел, чтобы он любил его до смерти, сжигая все чувства, и он действительно не мог этого сделать.

Ли Чэнь любил его так, как сам считал нужным, без капли уважения. Он хотел чего-то и брал это, не спрашивая мнения Цзи Шаотина.

— Тин!

Зов внезапно оборвался, когда Ли Чэнь перевернул Цзи Шаотина, готовясь к действию, все злые намерения застыли.

Потому что лицо Цзи Шаотина было в слезах, и в его взгляде впервые появилась ненависть.

Все прикосновения Ли Чэня оставили раны, которые снова дали о себе знать во время душа.

Цзи Шаотин провёл в ванной долгое время, а когда вышел, Ли Чэнь всё ещё сидел на краю кровати, не двигаясь. В воздухе висела полная тишина, и Цзи Шаотин впервые в жизни не хотел ни с кем говорить.

Лицо Ли Чэня было мрачным.

Это не было связано с его врождённой суровостью, оно действительно было плохим, крайне плохим. Плохое настроение явно отражалось на его лице. Когда его взгляд упал на покрасневшую кожу на шее Цзи Шаотина, он даже стиснул зубы.

Это покраснение было слишком явным, явным признаком того, что Цзи Шаотин сильно тёрся, выражая отвращение.

Цзи Шаотин избегал взгляда Ли Чэня, лёг на другую сторону кровати спиной к нему.

В этой ситуации он потерял чувство времени. Короткие промежутки казались бесконечно долгими из-за мёртвой тишины. Или прошло действительно много времени, прежде чем он услышал шаги Ли Чэня и звук закрывающейся двери ванной.

Сердце Цзи Шаотина опустело.

Он не должен был ожидать: как Ли Чэнь мог извиниться? Он, вероятно, считал, что всё это было ошибкой Цзи Шаотина, как всегда, как само собой разумеющееся.

Но...

Цзи Шаотин думал, что если бы Ли Чэнь сказал «извини», он бы всё равно не смог устоять, стёр бы всё, что произошло сегодня. Потому что, каким бы плохим ни был Ли Чэнь, он всё равно был тем самым человеком.

Тем, кто вызывал у него трепет, когда чувствовал его любовь.

Но Ли Чэнь не извинился. Его гордость не позволяла ему сделать это, и она превратилась в категоричность.

Когда Цзи Шаотин встал, он почувствовал что-то неладное, обернулся и увидел, что Ли Чэнь уже собрал вещи. Сам он молчал, сидя за рабочим столом спиной к Цзи Шаотину.

Ему даже не нужно было говорить, всё было ясно. Цзи Шаотин молча встал и начал собирать свои вещи.

Только одна вещь не могла остаться в тишине. Цзи Шаотин защёлкнул замок на чемодане и тихо спросил:

— А как насчёт тёти...

— Ты же умеешь притворяться, не так ли?

Цзи Шаотин замер, почувствовав странный тон в голосе Ли Чэня. Он постоял в пустоте некоторое время, а затем ответил:

— Понял.

Цзи Шаотин объяснил Чэнь Пэй, что у Ли Чэня срочная работа. Хотя ему было очень неприятно врать, он сделал это естественно, даже с оттенком недовольства, сказав, что Ли Чэнь должен будет компенсировать это, ведь это был такой счастливый медовый месяц.

<http://bllate.org/book/16306/1470752>